

«ЕСЛИ ЛЮДИ НИЧЕГО НЕ ХОТЯТ ДЕЛАТЬ, ГОСУДАРСТВО ИМ НЕ ПОМОЖЕТ»

ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЕЗ РАДИКАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕООРУЖЕНИЯ ВРЯД ЛИ ПРОЖИВЕТ ЕЩЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ. ОБ ЭТОМ ВЛАДИМИР НИКИТАЕВ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МИНПРОМЭНЕРГО РОССИИ, РАССКАЗАЛ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВG АЛЕКСАНДРУ ГУДКОВУ.

ВЛАДИМИР НИКИТАЕВ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА
ДЕПАРТАМЕНТА ЭКОНО-
МИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
И ПЕРСПЕКТИВНОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ
МИНПРОМЭНЕРГО РОССИИ

BUSINESS GUIDE: Владимир Владимирович, в Минпромэнерго вы отвечаете за перспективное планирование в области химической промышленности. Какие проблемы стоят перед химпромом и как министерство собирается их решать?

ВЛАДИМИР НИКИТАЕВ: С одной стороны, химпром — это одна из отраслей, которая в последние годы активно развивается. Ситуация в ней от кризиса далека. Однако в отличие от других отраслей, в которые государство приходит, когда кризис уже разразился, в химической отрасли мы имеем

возможность сработать «на упреждение» — среагировать не на сиюминутные, а на будущие угрозы. Если в ближайшие два-три года наша промышленность не модернизирует производство, не повысит его энерго- и ресурсоэффективность, то существенная часть российской химической промышленности станет неконкурентоспособной.

Сегодня конкурентоспособность нашего химпрома основана на сравнительно низкой цене, при этом в структуре затрат на производство стоимость сырья превышает 50%. Продаем при этом продукцию низких переделов, полупродукты, так сказать. Это говорит о том, что, даже имея такое преимущество, как дешевые ресурсы, российский химпром все равно проигрывает из-за низкого технологического уровня.

Мы посчитали изменение относительной ценовой конкурентоспособности 45 основных видов химической продукции — от минеральных удобрений и пластмасс до шин и лакокрасочных материалов — при росте цен на газ и электроэнергию. Так вот, из 45 рассматриваемых продуктов к 2010 году сохраняют конкурентоспособность лишь 15 продуктов, к 2011-му — 8.

Последние годы широко обсуждаются два разных сценария отрасли — «сырьевой» и «инновационно-технологический». Функции министерства заключаются в том, чтобы, используя имеющиеся рычаги, среди которых налоговое регулирование, таможенно-тарифное, техническое и т. д., перевести развитие экономики с одного пути на другой.

BG: Представители компаний не раз заявляли, что инвестиции в инновационные проекты очень рискованны. Какие действия вы предпринимаете по снижению этих рисков?

В.Н.: Предпринимательство само по себе вещь рискованная. В отличие от федеральных целевых программ, механизм которых довольно громоздкий и нередко мало результативный, новые инструменты, в частности инвестфонд, обещают хорошую эффективность. Из средств инвестфонда, например, уже выделены деньги на создание нефтеперерабатывающего комплекса в Нижнекамске. Есть еще ряд инте-

ресных проектов: развитие газоперерабатывающих мощностей в Западной Сибири (проект СИБУРа) — 28 млрд руб., создание Каспийского газохимического комплекса (проект «ЛУКОЙЛ-Нефтехима») — \$3,7 млрд, строительство комплекса по производству полипропилена и изопропилена на площадке «Тобольскполимера» (проект СИБУРа) — 24 млрд руб.

BG: Одним из факторов, тормозящих инвестиции в модернизацию химпрома, по словам бизнесменов, является отсутствие предсказуемого и гарантированного внутреннего спроса на химическую продукцию. Как решается эта проблема?

В.Н.: Мы произвели расчеты по 300 видам продукции — они показывают устойчивый рост внутреннего спроса. Тут важны не столько объемы, сколько структура спроса. Есть несоответствие между тем, что сейчас производит наш химический комплекс, и тем, на что существует спрос. В первую очередь это проблема технической модернизации химического производства, но не только. Значимую роль тут могут сыграть межотраслевые программы сотрудничества. Недавно АвтоВАЗ выступил с инициативой разработать программу взаимодействия с химиками для обеспечения нужд автомобилестроения. Производители и потребители договариваются, определяют, что им нужно, что они могут друг другу предложить, и формируют некую программу. По такому же пути вполне может пойти взаимодействие легкой промышленности с химиками в сфере химических волокон. В химволокна бизнес опасается вкладывать деньги, так как сомневается в конкурентоспособности отечественной легкой промышленности. Договариваясь о каком-то гарантированном спросе, химики перекладывают часть рисков на легпром. Там есть люди, которые готовы нести эти риски и готовы бороться и конкурировать с тем же Китаем. Но если люди ничего делать не хотят, то государство им ничем не поможет.

BG: Одной из проблем, тормозящих модернизацию химпрома, является продолжающийся процесс перераспределения собственности в отрасли. Как вы оцениваете этот процесс?

В.Н.: Это не наше дело: мы уважаем частную собственность и права предпринимателей. Однако в целом мы считаем, что перераспределение собственности в нынешней ситуации — это естественный и во многом позитивный процесс. Проблема в том, что отечественный химпром утрачивает свои имеющиеся конкурентные преимущества быстрее, чем приобретает новые. Компании, особенно крупные, эту ситуацию чувствуют и начинают реагировать, начинают вкладывать в развитие новых мощностей, приобретение новых технологий. Но этот процесс идет достаточно медленно. Это у себя внутри они большие предприятия. Как только они выходят в Европу, на глобальный рынок, то сразу оказываются маленькими. Крупнейшие наши предприятия, тот же «Нижнекамскнефтехим», просто теряются на фоне конкурентов. У наших компаний часто просто нет средств для масштабного технологического перевооружения. Ведущая тенденция — создание вертикально интегрированных структур, выстраивающих цепочку от добычи до потребителя. Создание таких структур является позитивным процессом.

BG: Европа решила проблему конкуренции с Китаем, отказавшись от крупнотоннажной химии и сделав ставку на высокие технологии. Россия последует этому примеру?

В.Н.: В Европе не было своего углеводородного сырья, пожалуй, кроме Норвегии. Они столкнулись с тем, что цены на сырье сделали неконкурентоспособным крупнотоннажное производство. В России наличие собственной ресурсной базы в любом случае дает преимущество. Равновесная цена на газ к 2011 году прогнозируется на уровне \$125, а Европа покупает его почти по \$300. Да, Индия и Китай строят новые заводы, но для России гораздо более опасна новая мировая тенденция — сдвиг перерабатывающих производств к источникам сырья. Сегодня крупные нефтехимические производства строятся на Ближнем Востоке — в Саудовской Аравии, Катаре, Кувейте, Иране. И когда через пару-тройку лет эти мощности будут введены в строй, весь мир будет завален дешевым полипропиленом, полиэтиленом и так далее. Это серьезная угроза. И если мы не подготовимся, то можем проиграть в конкурентной борьбе даже на традиционных рынках.

Вообще, как известно, есть три классических фактора производства и конкурентоспособности и четвертый неклассический: земля (сырьевые ресурсы), труд (квалифицированная рабочая сила), капитал и интеллект. И как бы вы ни крутились, вы вынуждены строить свое конкурентное преимущество на одном или нескольких из этих факторов. У нас есть сырье. С квалифицированной рабочей силой уже проблемы. Вопрос кадров, как высших, так и средних, становится одним из острых. У нас есть некие основные фонды — то, что осталось от Союза, устаревшие и уже работающие на пределе своей мощности предприятия. Но это скорее пассив, а не актив. И есть какой-то интеллект. Наша задача — как-то скомбинировать эти факторы, чтобы получить результат. Старые заводы — это, конечно, пассив, но еще какое-то время, два-три года, они могут приносить прибыль, пока мы подготавливаем технологический переворот.

BG: Вы сказали, что Минпромэнерго подготавливает технологический переворот. . .

В.Н.: Да, но он был подхвачен российскими химическими компаниями и, что еще важнее, химическим машиностроением. Инновационно-технологический переход российского химического комплекса на качественно новую технологическую ступень — ключевой момент новой версии Стратегии развития химической промышленности до 2015 года. Вообще, времени осталось совсем немного. В прошлом ноябре стратегия была отправлена на доработку, так как проект основывался на старой парадигме, что цены на сырье у нас всегда будут низкими. Когда нарисовалась вот эта ситуация с ценами, когда стало ясно, что ситуация грозит потерей рынка, вот тогда мы поняли, что надо искать решения на пути новых технологий. Технологий ресурсо- и энергоэффективных, углубленной переработки сырья. Технологий, позволяющих нам разместить в России именно те звенья цепочки стоимости, которые дают наибольший доход и обеспечивают долговременную конкурентоспособность.

Наша задача сейчас — определить технологии, которые позволят совершить рывок. Это и есть задача технологического форсайта как системы прогнозирования. Мы формируем в данный момент восемь групп экспертов — по полимерам, минудобрениям, по каучукам и резиновой промышленности, по нефтехимии, химическим волокнам, по малотоннажной и неорганической химии, а также по кадровому обеспечению. В результате анкетирования практически всех «живых» научно-исследовательских организаций химического комплекса был сформирован список технологий, которые позволят совершить рывок в конкурентоспособности. Теперь мы ждем от экспертов более детальной проработки сценариев развития химического комплекса по подотраслям, определения наиболее важных параметров, от которых зависит реализация того или иного сценария.

В любом случае рассмотрение правительством вопроса о стратегии развития химической и нефтехимической промышленности запланировано на ноябрь, а это значит, что в октябре будет готова и стратегия, и перечень мер, направленных на ее реализацию.

BG: Европа вводит в действие новый пакет законов REACH, который будет регулировать регистрацию всех химических соединений, производимых и ввозимых в ЕС. Чем это грозит российским предприятиям?

В.Н.: С 1 июня 2008 года Европейский союз вводит новую систему регистрации производства, импорта и использования химических веществ (REACH — Registration, Avaluation and Authorisation of Chemicals). На практике введение этого документа означает, что все химические вещества, которые ввозятся на территорию Евросоюза из третьих стран, должны быть зарегистрированы в недавно созданном Европейском химическом агентстве. Еврочиновникам известно около 180 тыс. веществ; если вещество неизвестно, придется исследовать его на токсичность, биоразлагаемость, пожароопасность и т. д. в одной из сертифицированных лабораторий. Компаниям придется делать это за свой счет. Самые затратные (токсикологические) исследования стоят порядка €80 тыс.

По оценкам, на исследования и сертификацию веществ для REACH российские компании затратят около 10% экспортного дохода. Всего же прямые и косвенные расходы, которые понесет мировая индустрия с введением REACH, могут составить от €13 млрд до €30 млрд.

В связи с этим главная задача для России на сегодняшний день — выработка рамочных правовых механизмов, которые позволят снять эти риски. Уже принято решение о разработке технического регламента «О безопасности химической продукции», в основу которого были положены система СГС и REACH. Таким образом, полученный на выходе документ будет гармонизирован с европейским законодательством. Сейчас идет работа и над созданием проекта межправительственного соглашения, которое с учетом нового европейского законодательства позволит существенно снизить риски российских производителей. ■

СТАРЫЕ ЗАВОДЫ — ЭТО, КОНЕЧНО, ПАССИВ, НО ЕЩЕ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ, ДВА-ТРИ ГОДА, ОНИ МОГУТ ПРИНОСИТЬ ПРИБЫЛЬ, ПОКА МЫ ПОДГОТАВЛИВАЕМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ